

*Свобода действий в отношении прошлого – не скоропалительный бунт, а сознательный долг любого переломного времени.
Ортега-и-Гассет. Восстание масс*

Генеалогический поиск как приватизация прошлого

Основная мобилизующая конструкция прошлого в современном российском общественном сознании, по словам Ю.А. Левады, – это мифологизированная память о Великой отечественной войне и о первом космическом полете Юрия Гагарина, которая зиждется на образе врага, на жестком противопоставлении "мы" и "они".

Однако нам хотелось бы посмотреть на другой аспект работы с прошлым, на то, как индивиды, семьи и общественные организации приватизируют историю, при этом пересматривая официальный дискурс. Мобилизующие конструкции прошлого создаются не только на уровне официальных публикаций, учебников и результатов массовых опросов, но и на уровне семей и гражданского общества. При этом выполняется биографическая работа, которая в период кризиса идентичности помогает понять свое место в социальном пространстве и выработать соответствующие стратегии. Изучение и селекция семейного прошлого, выстраивание семейных историй и родословных деревьев способствуют конструированию "виртуальной сословности" с характерными представлениями о надлежащих занятиях, образе жизни, чувстве чести и собственного достоинства.

Сначала мы обратимся к понятийному аппарату, затем кратко опишем глобальный и национальный контексты массовой «корнемании», попытаемся представить инфраструктуру и мотивацию генеалогического поиска и, наконец, укажем на возможные последствия этой массовой культурной инициативы.

Для современного российского общества характерен своеобразный биографический бум - активизация массового интереса к истории семьи и рода, к жизнеописаниям и воспоминаниям частных лиц. Этот массовый интерес представляет собой одну из версий поиска идентичности или биографической работы.¹ В ходе такой работы, создавая новые рассказы о себе, люди создают ту социальную реальность, в рамках которой они действуют в согласии с собственным самоопределением.

Биографическая работа в современной России отличается некоторыми особенностями. С одной стороны, российское общество разделяет тенденции работы с культурной памятью, характерные для всех современных обществ. С другой стороны, российские особенности связаны с разрушением прежних социальных структур и соответствующих им символических кодов обозначения идентичностей. Трансформационные процессы включают и символическую революцию, пик которой пришелся на начало 1990-х годов. Ее отражает не только кампания переименований, прокатившая по улицам российских городов; не только не вполне удачные и явно не законченные попытки пересмотра официальной версии российской истории. Символическая революция выразилась в массовом движении генеалогического поиска.

Общие тенденции биографической работы

Идею об изменении характера биографической работы в широком социальном контексте развивают ряд современных исследователей (Гидденс, Бек, Бауман и др.). Отмечаются тенденции

¹ Fischer-Rosenthal W. The Problems with Identity: Biography as Solution to Some (Post)modernist Dilemmas // Cornenius, 3, 1995, P.250-266.

биографизации современного общества, когда индивиды являются рефлексивными действующими лицами, конструирующими свою "я-концепцию" и свою жизнь в рамках заданных, но поддающихся изменению социальных структур. Один из вариантов биографической работы - массовый поиск родословных, семейных историй, которые призваны обеспечить легитимность избранного биографического сценария в логике культурного примордиализма, объяснив его особым культурным наследием, семейными традициями.

Современное общество второй половины XX века, по мнению французского историка Пьера Нора, занято особым типом биографической работы - ревизией общенациональной и мощным подъемом локальной памяти (в том числе семейной и индивидуальной, добавим мы). Этот процесс может быть назван массовой приватизацией прошлого: история "не спускается больше сверху, очищенная в соответствии со шкалой национальных и патриотических ценностей"². Субъектами нового инициативного конструирования прошлого являются организации гражданского общества, семьи и отдельные индивиды.³ Массовый генеалогический поиск – это один из аспектов биографической работы, способствующей приватизации истории.

Биографическая работа в постсоветской трансформации

Российская трансформация может быть описана не только как период кризиса идентичности, когда для многих встал вопрос нового самоопределения, но и как символическая революция, изменившая матрицу значений, с помощью которых маркируется социальное пространство. Всякая символическая революция сопровождается поиском самоинтерпретации – переписыванием старой и созданием новой биографии, вызванным необходимостью создать непрерывную и логически непротиворечивую "я-концепцию". На общие тенденции биографизации и приватизации прошлого накладываются специфические российские обстоятельства.

Есть основания полагать, что генеалогический поиск в России становится еще более влиятельным культурным движением, нежели на Западе.

Для понимания массового генеалогического поиска как культурного движения необходимо проанализировать особенности советской биографической работы, ибо ее наследие определяет современные попытки переосмысления семейного прошлого.

Биографическая работа в советский период носила двойственный характер. С одной стороны, советская система блокировала семейную память. С другой стороны, она предлагала бюрократические формулы политически корректной биографии и генеалогии. Множество историй семей были "переписаны" из перспективы личной и семейной безопасности. Умалчивание родословных и конкретных фрагментов семейной истории было структурно обусловлено. О своем дворянском, казачьем, кулачском прошлом, о «неправильных» этнических корнях, о родственниках за границей, т.е. обо всем том, что могло стигматизировать политическую неблагонадежность, было вспоминать небезопасно. Вызовам генеалогической стигматизации, которую осуществляла власть, люди противопоставили блокирование семейной памяти, своеобразную само-манкуртизацию (вспомним роман Ч.Айтматова "Буранный полустанок").

Другая сторона той же медали - государственно-бюрократическая биографическая работа. Официальные биографические формы актуализировались практически во всех формальных ситуациях - поступление на работу, получение паспорта, выезд за границу и т.п., - фиксируя разносторонние подробности жизни (число браков и детей, сведения о родителях, социальная и этническая принадлежность, места работы и прописки, поездки за границу, проживающие за границей родственники, членство в советских политических организациях и т.д.). Сообразно месту в такой статусной классификации люди могли рассчитывать на привилегии, на успешную социальную интеграцию или, напротив, подвергаться социальному исключению.

² Нора П. Франция-память. СПб, Изд-во СПбГУ, 1999, С.110.

³ Обсуждая разные механизмы работы официальной и инициативной коллективной памяти А.Эткинд выделяет "твёрдую" и "мягкую" культурно-историческую память. Если твёрдая память (памятники) целиком и полностью находится под контролем государства, то мягкая память, выражаемая в публичном дискурсе (общественном мнении, литературных и исторических дебатах), принадлежит гражданскому обществу. На наш взгляд, семейная память и родословная как её символ представляют вариант "мягкой памяти".

Отвечая на вызовы официальной биографической работы, советские граждане конструировали политически корректные биографии, которые далеко не всегда были аутентичными. Официальный биографический формат служил путеводителем по созданию того, что можно назвать навязанным рассказом о жизни, который советские граждане презентировали в официальных ситуациях.⁴

Каково влияние такого наследия на сегодняшнюю биографическую работу? Представляется, что многие темы еще табуированы, а семейная память часто уже не может быть восстановлена и документирована. Однако потребность в ревизии навязанного прошлого и в создании аутентичной семейной истории интенсифицирует генеалогический поиск. Биографический «бум» выражается не только в широком распространении генеалогических поисков⁵, но и в росте социальных исследований, посвящённых семейной памяти.⁶ Так общество реагирует на разрушение государственной монополии на социальное номинирование, и в этом, на наш взгляд, суть подлинной символической революции.

Итак, в современном российском обществе генеалогический поиск является культурным движением, направленным на приватизацию исторической памяти и формирование на ее основе новых идентичностей. Всякое общественное движение существует благодаря вовлеченным в него людям и тем организационным структурам, которые обеспечивают достижение цели.

Инфраструктура и мотивация генеалогического поиска

С начала 1990-х годов генеалоги - любители и профессионалы – начинают объединяться в ассоциации. Так в Москве воссоздается добровольная научно-общественная организация «Историко-родословное общество», в Санкт-Петербурге возрождается существовавшее до 1917 года Русское генеалогическое общество (РГО), возникают генеалогические общества во многих крупных городах России (Мурманске, Новгороде, Иркутске, Томске, Твери, Самаре). С 1992 года работает Институт генеалогических исследований (ИГИ) при Российской национальной библиотеке, тогда же в Петербурге была проведена представительная международная генеалогическая конференция. Получают распространение «школы начинающего генеалога». РГО начинает издавать журнал «Известия Русского генеалогического общества», учреждается издательство ВИРД, специализирующееся на издании генеалогической литературы (в частности, «Дворянского календаря» и «Генеалогического вестника»).

Растет спрос на услуги частнопрактикующих генеалогов. Их в Петербурге, по подсчётам специалистов, 20-30 человек.⁷ В настоящее время стоимость услуг профессионального генеалога в Петербурге составляет от \$500 до \$1000. Обслуживание генеалогического поиска обеспечивается художниками, резчиками по дереву и камню, скульпторами. По утверждению профессиональных генеалогов, наиболее популярны заказы состоятельных и богатых людей, а также лиц, выезжающих на ПМЖ за рубеж, которым необходимы доказательства своего этнического происхождения. Достаточно распространены заказы со стороны потомков прежних привилегированных сословий - дворян, купечества или духовенства.

Массовую потребность в реконструкции семейной памяти обслуживают интернет-ресурсы. Новые информационные технологии способствуют наиболее современному и демократичному варианту генеалогического поиска, современный Рунет, предлагает несколько десятков

⁴ Примерами биографических образцов советской эпохи являются биографии потомственных рабочих, героев труда и т.п.

⁵ Miller R., Humphrey R., Zdravomyslova E. (2003). Introduction: Biographical Research and Historical Watersheds, in R.Humphrey, R.Miller, E. Zdravomyslova (eds.). *Biographical Research in Eastern Europe: Altered Lives and Broken Biographies*. Ashgate, Pp. 14-17.

⁶ См. Судьбы людей: Россия, XX век: Биографии людей как объект социологического исследования. М., ИС РАН, 1986; Божков О. Родословные (генеалогические) деревья как объект социологического анализа // *Социологический журнал* 3/ 4, 1998, С.117-143; Божков О. Биографии и генеалогии: ретроспективы социально-культурных трансформаций // *Социологический журнал* 1, 2001, С.74-87; Божков О., Боголюбов И. Хронографический анализ генеалогий // *Социологический журнал* 1, 2002, С. 48-59.

⁷ Белоградова Н. (2003). Бизнес-генеалогия с трудом удерживается на ветвях//Деловой Петербург, 3 октября, с.4.

генеалогических сайтов, на которых собраны архивы по фамилиям и родам⁸. Сайты по генеалогии выполняют, прежде всего, образовательную функцию, представляя пошаговый процесс генеалогического исследования. Кроме того, они пропагандируют «корнеманию» как престижное хобби, элемент нового "культурного" образа жизни, противопоставленного советским практикам умалчивания семейной истории. Интернет способствует образованию клубов однофамильцев, в том числе, и международных, созданию «виртуального клана».

Конечно, генеалогия удел не только профессионалов. Большинство тех, кто заинтересован в восстановлении семейной истории, занимается самостоятельными розысками, изредка пользуясь консультацией профессионалов, обращаясь к общественным и личным архивам и устным преданиям. В нашем исследовании мы условно выделяем моральные и инструментальные мотивы инициативного генеалогического поиска, в который вовлечены частные лица и общественные организации.

В период гласности активный интерес к истории семьи проявляют потомки разных категорий репрессированных и пострадавших в годы советской власти, ориентированные на восстановление исторической справедливости, реабилитацию семейной памяти. В генеалогический поиск включаются только что созданные правозащитные организации. «Мемориал» инициирует ревизию официальной версии советского прошлого на основании семейных микроисторий. Идея «новой истории» рассматривается как моральное преодоление тоталитарного прошлого. Один из руководителей «Мемориала» отмечает: «Отношение к истории большинства взрослых людей в России, по-видимому, определилось в те десятилетия, когда обществу взамен насильственно ампутированного непосредственного чувства истории навязывалась подробнейшим образом разработанная мифология, ... (которая) не имела почти ничего общего с личным историческим опытом людей.⁹

В поисках аутентичной истории «Мемориал» в сотрудничестве с другими организациями с 1999 года ежегодно проводит конкурс среди школьников «Человек в истории. Россия – XX век»¹⁰. Значимость приватизации истории для молодых людей иллюстрирует фрагмент из школьного сочинения: *«Когда я читала всё это [воспоминания бабушки], я поняла, что вызубрить историю по учебнику невозможно, не пережив мысленно всего, что пережили мои предки. Может быть, в учебнике лишь вскользь упомянута дата, которая перевернула всю их жизнь»¹¹.*

Один из мотивов генеалогического поиска - приобретение знатного происхождения. Общественные организации, созданные по «сословному» признаку, – это одно из социальных последствий широко распространённого поиска предков, принадлежавших к привилегированным сословиям российской империи (дворянству, духовенству, купечеству). Российское Дворянское Собрание было воссоздано в 1990 году в Москве и на сегодняшний день объединяет до 10 тыс. человек (вместе с членами семей).¹² Основные заявленные принципы деятельности этого Собрания слагаются из приоритета концепции чести, духовности и нравственности, верности вере предков, идее монархии, государственному единству, свободе и правовому строю. Исторический традиционализм, признание важности семейных отношений и эстафеты поколений провозглашаются на фоне отрицания советского прошлого и дистанцирования от него как от «безбожно-интернационального режима», проповедующего «человеконенавистническую марксистско-ленинскую идеологию».

Генеалогия, в данном случае, - это не просто описание прошлого, а инструмент социальной стратификации, селекции. Знание своего социального происхождения, истории жизни предков актуализируют вне рыночные критерии статусной дифференциации. Человек, освоивший семейную историю, мыслит себя как часть культуры. Можно предположить, что активное

⁸ Наиболее информативные сайты: www.genealogia.ru, www.vgd.ru, www.petergen.com

⁹ Даниель А. Историческая память и гражданская ответственность, в сб. Человек в истории. Россия – XX век. Сборник работ победителей. Щербакова И.Л. (ред.-сост.). Вып.2. М., Общество «Мемориал» - Изд-во «Звенья», 2002, С.7

¹⁰ Человек в истории. Россия – XX век. Сборник работ победителей. Щербакова И.Л. (ред.-сост.). Вып.3. М., Общество «Мемориал» - Изд-во «Звенья», 2003. Динамика количества присылаемых на конкурс работ такова: если в 1999-2000 гг. их было получено 1651 из 425 городов и сёл России, то годом позже – 2643 работы из 915 мест.

¹¹ Шеварова А. // там же, С.318.

¹² Официальный сайт Российского Дворянского Собрания <http://www.rds.org.ru>

освоение прошлого влечет за собой активное отношение к настоящему и будущему (своему и своим потомкам), включая выработку семейного кодекса чести, семейных правил достойного поведения. Конечно, конструируемая "виртуальная сословность" может представлять угрозу либеральным ценностям равенства, толерантности, меритократии. Однако приватизация истории способствует и формированию чувства собственного достоинства, столь необходимого для демократического типа личности.

Еще один мотив генеалогического поиска – сакрализация и нравственная консолидация семьи, независимо от степени благородства происхождения. Он часто актуализирован у представителей среднего и старшего поколений. Генеалогия позволяет гордиться принадлежностью к семье, а не к профессии, корпорации, государству. Одна из рассказчиц, объясняя свое увлечение генеалогией, прямо говорит: *"Главное для меня – семья. Я всё время стараюсь сохранить семейные традиции. Чтобы дети поняли, что семья – это главная опора в жизни, даже если всё меняется вокруг"*.

Для представителей старшего поколения (хотя и не только для них) занятия семейной историей во многом продиктованы стремлением подвести итоги жизни, навести порядок в кладовых памяти. Часто эти занятия превращаются в увлекательное хобби. Увлечение собственной родословной сродни коллекционированию, оно разрастается до исследования семейных историй родственников и знакомых, которые становятся «заказчиками» генеалогов-любителей.

На наш взгляд, поиски родословной неразрывно связаны со стремлением людей гарантировать свой социальный статус, сконструировать свою идентичность. Несомненно, что приватизация прошлого носит селективный характер, ее аутентичность фрагментарна. Генеалогический поиск способствует созданию положительного имиджа, росту символического капитала семьи. Массовость этой культурной инициативы приводит к созданию "виртуальной сословности".

Основной инструментальный мотив восстановления родословных – повышение общественного статуса индивида или семьи. Поиски "правильных" предков могут обеспечить легитимное право на эмиграцию на основании этнической принадлежности, включение в этнические и сословные "диаспоры", локальные и международные социальные сети и т.п. Исследования этничности, проводимые нашими петербургскими коллегами, убедительно показывают, что поиск корней востребован, когда «этничность становится полезным ресурсом улучшения жизненных шансов, альтернативой утраченным идентичностям, ушедшим вместе с Советским Союзом», и тогда «люди «вспоминают» о том, что кто-то из их предков был немцем»¹³.

* * *

Массовое увлечение генеалогией как культурное движение (или мода) имеет значимые культурные последствия. С одной стороны, создание семейных микроисторий бросает вызов официальному историческому дискурсу и может быть рассмотрено как моральное преодоление тоталитарной версии прошлого. С другой стороны, генеалогический поиск способствует созданию "виртуальной сословности". Несмотря на противоречивость этого явления, оно очевидно способствует формированию представлений о чувстве собственного достоинства, созданию укоренённой идентичности, предполагающей ответственность человека за свои действия. Тенденции биографизации общества не только российское явление, но в России они усиливаются в контексте социально-культурной трансформации.

Массовая инициативная биографическая работа может иметь последствия для политической культуры общества, способствовать становлению нового типа личности, формированию новых механизмов социализации через идентификацию с воображаемым

¹³ Бредникова О. «Семейная» и «коллективная» память (способы конструирования этнической идентичности) // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ: Материалы международного семинара / под ред. В.Воронкова, Е.Здравомысловой. Труды ЦНСИ. Вып.5. СПб, 1997, С.71.

сообществом предков. Такая виртуальная сословная солидарность приходит на смену стратегиям блокирования памяти, которые использовали люди советского периода.

Монологичности официальной истории сегодня противостоит мозаика семейных историй, которые самостоятельно конструируются людьми. Индивид как субъект семейной истории приватизирует прошлое. История из навязанной схемы превращается в одно из оснований идентичности, из чего следуют определенные действия, права и обязанности. В условиях изменяющихся структур, когда ответ на вопрос «кто я?» уже не имеет однозначного ответа, инициативное отношение к прошлому формирует спектр мотивов генеалогического поиска. В результате мы видим, что люди понимают прошлое совсем не так, как предписано учебниками, но так, как подсказывают им результаты собственной биографической работы. Создавая новые рассказы о себе и своих предках, они конструируют ту социальную реальность, в рамках которой действуют в согласии с собственным самоопределением. Микроистория становится основанием политики повседневности, когда люди утверждают свои идентичности для предъявления в обществе с расчетом на некоторые привилегии и шансы и утверждая свои социальные стратегии и права.

Остаётся высказать предположение о будущем массовой приватизации памяти. На наш взгляд, массовый генеалогический поиск как культурное движение прошёл пик своего развития в период слома общественного устройства, однако конкретные общественные организации и частные инициативы продолжают существовать и по-прежнему бросают вызов официальным конструктам прошлого. Как бы то ни было, приватизированное прошлое уже невозможно натянуть на тот «каркас», с которого его общими усилиями удаётся/удалось снять.